

В.В. Долгоруков
«ЭКОНОМИКА ЯЗЫКА»
ПРОТИВ ГРАЙСОВОЙ «АНАРХИИ»:
ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ
ОГРАНИЧЕНИЙ¹

В статье рассматривается теоретико-игровой подход к коммуникации. Автор показывает, что данный подход может служить альтернативой Принципу Кооперации П. Грайса, восполняя недостатки последнего.

The article considers game-theory approach to communication. The author shows that given approach might serve as an alternative of Grice's cooperative principle by avoiding its imperfections.

Ключевые слова: коммуникация, правила коммуникации, теория игр, П. Грайс.

Keywords: communication, rules of communication, game theory, P. Grice.

Принцип Кооперации («Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [1, С. 222]) рассматривается Грайсом как единственное прагматическое правило: Максимы (Качества, Количества, Релевантности и Способа) формулируются только в качестве уточнения механизма функционирования Принципа Кооперации. Сложно отнести максимы Грайса к чисто дескриптивному типу правил (люди часто ведут себя не так) и к чисто пре-

¹ Исследование выполнено в рамках коллективного проекта "Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Западной Европы Позднего Средневековья и раннего Нового времени" (№ 11-04-0050) программы "Научный фонд" Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики.

скриптивному (Грайс не имел в виду, что все должны (в этическом или любом нормативном смысле) вести себя таким образом). Максимумы Грайса описывают «максимум» ожиданий Слушающего относительно поведения Говорящего, но не всегда надежды на такие ожидания оправданы. Такой неоднозначный статус правил в теории П. Грайса вызвал целый ряд критических отзывов.

Итак, с точки зрения Грайса — у нас есть правила применительно к прагматике, но они действуют не всегда. Правила могут быть нарушены без какой-либо санкции. Более того, систематическое нарушение правил само по себе может оказаться легитимным (именно так Грайс подходит к анализу иронии). Грайс говорит о правилах — но эти правила таковы, что в языковых играх все мы «безнаказанные рецидивисты». Как быть с таким «узаконенным беззаконием»? Есть ли способ победить грайсову «анархию»?

Преодоление затруднений со статусом прагматических ограничений в грайсовой теории — одна из основных задач неограйсианских теорий (теории релевантности, теории Левинсона, подхода Хорна и др.). Как мне кажется, стремление неограйсианства минимизировать число прагматических ограничений полностью реализовалось в «постграйсианских» подходах, я имею в виду — теоретико-игровые экспликации прагматических теорий. Теория игр применительно к теории Грайса представляет собой попытку свести прагматические ограничения к допущению о рациональности участников коммуникации, где рациональность понимается обычным для теории игр способом — представлением о том, что каждый из игроков стремится к максимизации своей полезности.

Как мне кажется, проблему легитимности прагматических ограничений можно решить, если воспользоваться подходом к ограничениям в духе теории

оптимальности (которая в свою очередь может быть выражена на языке теории игр). Ключевая особенность теории оптимальности состоит в том, что правила образуют некоторую иерархию относительно возможного нарушения. При порядке приоритета правил $A1 \gg A2$ - оптимальным будет вариант, в котором соблюдаются оба правила, менее оптимальным - вариант, в котором нарушается только второе правило и совсем неприемлемым будет вариант, где нарушено первое правило.

Введем обозначения. Пусть «Qual» - Максима Качества, «Quant» - Максима Количества, «R» - Максима Релевантности, «M» - Максима Способа. Вряд ли в «природе» встречаются все 24 (4!) логически возможных варианта порядков доминирования, но попытаемся рассмотреть примеры некоторых возможных контекстов рассуждения.

Предположение о доминировании правил позволяет решить проблему с некоторыми типами импликатур. Речь идет об импликатурах, которые несут информацию о характере коммуникации между участниками. Назовем такой тип импликатур - «эпистемическими импликатурами». Как мне кажется, яркий пример эпистемической импликатуры присутствует в нашумевшем интервью В. Путина Л. Кингу.

(1)

— Что случилось с подлодкой «Курск»?

— Она утонула. +> Я не хочу отвечать на этот вопрос.

Удивительно, но Путину удалось нарушить все Максимы Грайса одновременно. Даже Максима Способа оказалась нарушенной, Путин мог ответить что-нибудь дипломатично несодержательное (ср. примеры (2), (3), (4)). Высказывание про «Курск» является до предела прагматически нагруженным - оно порождает импликатуру особого рода или даже множество им-

пликатур. Помимо импликатуры «+> Я не хочу отвечать на этот вопрос» здесь есть как минимум еще одна «+> В последующих языковых играх с Путиным вероятно ожидать от него нерелевантный (нарушающий R) и неподобающий (нарушающий M) ответ».

Приемом «ответ дипломата» (гарантирующим соблюдения максимы Способа) изобиловала пресс-конференция второго российского политического лидера – Д. Медведева.

(2)

– Как будут складываться отношения России и Китая?

– Китай – наш важный стратегический партнер.

(+> R>>M -> M>>R)

(3)

– Вы собираетесь отправить Правительство в отставку?

– У Президента есть такая возможность. (+> R>>M -> M>>R)

(4)

– Вы собираетесь баллотироваться на второй срок?

– Серьезные ответственные решения, от которых зависит судьба многих людей, должны приниматься тогда, когда придет время их принимать. (+> R>>M -> M>>R)

Как мне кажется, в трех вышеперечисленных примерах порождается импликатура такого рода: «+> Я не хочу отвечать на такой вопрос. Но я не могу сказать об этом прямо, я же Президент! Поэтому я скажу что-нибудь несущественное, но уместное. Что-нибудь выглядящее как ответ».

Перлокутивная сила высказывания Медведева такова, что предполагаемый Слушателем порядок приоритета правил для Говорящего «R>>M» изменяется на «M>>R».

Пользуясь средствами теории игр – все ответы Медведева можно описать примерно следующим образом. Игра начинается с хода Природы («R»>M» или «M»>R»). В первой ветке игры (по предположению Слушающего) – значения стратегии R в платежной матрице (для Говорящего) будет больше, чем значение M, во-второй ветке – соответственно меньше. До хода Говорящего – две эти ситуации неразличимы для Слушающего (информационно независимы). Слушающий задал вопрос – соответственно он имеет право надеяться на получение релевантного ответа. Возможно, его надежда окажется наивной – тогда изменится оценка вероятности хода Природы и соответственно в игре будет иное равновесие

Во всех этих примерах имеет место такой порядок приоритета правил – «M»>Quant». Более того, – возможно, что в (4) имеет место и «M»>Qual». Мы это не знаем, т.к. информация о ходе Природы доступна только Говорящему, для Слушающего эти ситуации неразличимы (для формализации используются игры с неполной информацией).

В (2) и (3) Максима Качества не нарушена т.к. Медведев просто артикулировал пресуппозицию вопроса. Пресуппозиция вопроса нарушает Максиму Количества, т.к. пресуппозиция вопроса является элементом общего знания (common knowledge) и не содержит ничего нового. Мы и так знаем, что Медведев это знает, и он знает, что мы это знаем, и он знает, что мы знаем, что он это знает и т.д.

Интересно, что иногда пресуппозиция все-таки может быть содержанием имплицатуры (пресуппозиция ответа говорящего, но не пресуппозиция вопроса). Рассмотрим следующий пример. Двое коллег обсуждают новую секретаршу:

- (5)
– Она хорошенькая.

– Да и муж у нее тоже ничего. +> У нее есть муж!

Здесь пресуппозиция является содержанием имплицатуры, а сам диалог, как мне кажется, является иллюстрацией к следующему порядку доминирования правил «(Qual)>>Quant>>M>>R» (хотя, возможно, что вариант «(Qual)>>M>>Quant>>R» тоже подходит).

Рассмотрим пример ситуации с обратным порядком приоритета (по-прежнему предполагаем соблюдение Максимы Качества) – «(Qual)>>R>>Quant>>M»:

(5)

– Он говорит по-португальски?

– Он говорит по-испански. +> Он не говорит по-португальски.

Как мы видим, порядок приоритета правил может быть совершен различными и разные коммуникативные ситуации представляют разные системы баланса между соблюдением правил и порядком их нарушения. Интересный пример иерархии прагматических ограничений демонстрирует средневековая практика «диспутов с предписаниями» (de obligationibus) (см. [2],[4],[7]). Диспуты представляют собой разновидность формального диалога между Оппонентом и Респондентом. Диспут начинается с того, что Оппонент выдвигает некоторое положение (часто контрфактическое). Респондент должен соглашаться со всеми следствиями из этого положения и при этом он должен соглашаться со всеми положениями общего знания. К общему знанию относятся положения, которые для собеседников-схоластов являются обоюдно бесспорными: «Бог - существует», «Снег - бел», «Сократ человек», «Папа в Риме» и т.д. Задача Оппонента вынудить Респондента принять противоречивое положение. Рассмотрим пример.

(6)

Оппонент: «Ты Папа или ты в Риме».

Респондент: «Допускаю».

Оппонент: «Ты в Риме».

Респондент: «Отвергаю».

Оппонент: «Ты Папа».

Респондент: «Допускаю».

Оппонент: «Ты Папа».

Респондент: «Допускаю».

Оппонент: «Ты в Риме».

Респондент: «Допускаю».

Респондент вынужден рассуждать в контрфактическом контексте, что предполагает особые прагматические ограничения. С одной стороны – Максима Качества оказывается нарушенной, с другой стороны – и Респондент, и Оппонент знают, что нарушение Максими оказывается притворным («дозволенным» преодолением ограничений, легитимным нарушением).

Диспуты с предписаниями является хорошим примером для различия прагматических ситуаций неискренней лжи и искреннего заблуждения. Теоретико-игровыми средствами это различие может быть выражено, если ввести дополнительного четвертого игрока (в добавление к Природе, Оппоненту и Респонденту) – Контрфактическую Природу (Злого Гения).

В подобных диспутам с предписаниями «искусственных» прагматических контекстах мы имеем дело со сложным сочетанием легитимной и нелегитимной аргументации.

Итак, мы сталкиваемся с разными коммуникативными ситуациями – прагматика допроса будет отличаться от прагматики дружеской беседы, а прагматика политики – от прагматики исповеди. Как мне кажется, средства теории игр позволяют редуцировать все это многообразие прагматических принципов к единственному допущению о рациональности участников коммуникации. Все остальные прагматические параметры можно отнести к структуре игры, значени-

ям в платежной матрице, изменениям вероятностей и т.д. (см. [5]). Тем самым теоретико-игровой подход исполняет «мечту» неограйсианских теорий, сводя прагматику к однородной системе допущений. Так «экономика языка» (выражение А. Рубинштейна, см. [6]) позволяет навести порядок в «анархическом» мире Грайса.

Список литературы

1. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика, 1985.
2. *Лисанюк Е.Н.* Полемика и средневековый логический «диспут»// Полемика и структура научного текста от Античности до Раннего нового времени / Ред. Ю. В. Иванова. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2011.
3. *Blutner, Reinhard & Zeevat, Henk.* 2003. *Optimality Theory and Pragmatics.* Palgrave, London.
4. *Dutilh Novaes C.* "Medieval obligationes as logical games of consistency maintenance" // *Synthese* 145, 2005, pp. 371–95.
5. *Pietarinen A.-V.* The semantics/pragmatics distinction from the game-theoretic point of view. In Pietarinen, A.-V. (ed.), *Game Theory and Linguistic Meaning*, Oxford, 2007. pp. 229–242.
6. *Rubinstein, Economics and Language.* CUP, 2000.
7. *Spade, P.V.* 2003. "Medieval theories of obligationes", in Ed Zalta, ed., *The Stanford encyclopedia of philosophy*, URL: <http://plato.stanford.edu/entries/obligationes/>

В.В. Долгоруков

Об авторе

Долгоруков Виталий Владимирович – магистр философии, стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, v.dolgorukov@gmail.com.

About author

Vitaliy Dolgorukov, Master of Philosophy, Probation-er-researcher, National Research University Higher School of Economics, v.dolgorukov@gmail.com.